

Дмитрий Котешов

Сентябрь в кроне самого высокого дерева в Батуми

Дмитрий Котешов

Сентябрь в кроне самого высокого дерева в Батуми

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73178243
SelfPub; 2026

Аннотация

"Сентябрь в кроне самого высокого дерева в Батуми" – это 43 миниатюры об эмиграции, любви, музыке и повседневности. Дневник белоруса в Батуми, описание происходящего внутри и снаружи, поиск ответа на не заданный вопрос.

Дмитрий Котешов
Сентябрь в кроне самого высокого дерева в Батуми

Глава 1

Вы, конечно, помните, как смеётся ваша мама. Вы должны помнить, как менялся её голос – на старых фотографиях с утренника он звонкий, в динамике смартфона – глубокий, в молитвах за вас – еле слышный.

Её голос на дне кружки с чаем, в новогодних игрушках в коробке, в том, как вы зовёте обедать собственных детей. Чувство, которое вытягивает деревья и красит зелёнкой траву, не ностальгия – это тихая обида от невозможности ухватить время за хвост. А мама – та самая вечность, к которой можно прикоснуться, и она не ошпарит ни безразличием, ни холодом.

Об этом можно писать много, а можно не писать совсем. Ночь опустилась на город, и мне опять не спится. Знай, мама, я думаю о тебе в эту ночь, и свет в окне – мой тебе привет.

Глава 2

Как узнать белоруса в Батуми? Очень просто – он повсюду ходит с рюкзаком. Когда мне об этом рассказали, я лишь поправил лямки и усмехнулся.

Интересно, почему? Видимо, в нас живёт вечное ожидание чёрного дня, когда в рюкзак можно положить самое необходимое и быстро исчезнуть. Но у меня есть другая версия: когда солнце заглянет и в наше оконце, мы из него достанем вино и отпразднуем событие на месте.

Глава 3

С рюкзаком или без, больше всего я люблю гулять по открытым пространствам, по зелёным массивам, ощущать себя крошечной, почти недвижимой точкой на фоне современной жизни.

Может быть, эти прогулки – блуждания, но они погружают меня в состояние медитации, сравнимое с музыкой или шумом волн.

Говорят, что стыдно терять время. А я его теряю дни напролёт, приобретая взамен чувство причастности к каждой травинке, камню под ногой, ветке, упавшей в капюшон и внутреннему голосу, который поёт мне с детства, радуясь

быть услышанным.

Глава 4

Ночью приходит кошка, кладет голову на плечо, и время замедляется, оно вообще замедляется в темноте – может быть, поэтому вампиры не стареют. Я полный любви и энергии, ты полная энергии и любви, мы две батарейки, со своими плюсами и минусами.

В Аджарии теплый ноябрь, время собирать мандарины и дышать йодом у моря. Отпустив туристов, Батуми готовится к зимней спячке. Например, в “сталинке” напротив покрасили перила балкона, они теперь алые, как помада на небритой щеке. Символичный жест – красить перила на зиму, в которой нет места саням и варежкам, а есть место котам, которые разливаются на груди рыжим, пахнущим ванилью, морем.

Если научиться слушать кота, можно много чего увидеть. Зачем быть счастливым, если можно быть котом, зачем быть котом, когда есть ты. Придет весна, за ней мириады крошечных "мяу", и кто знает, что знает котёнок, подкараулivший тебя в нужном месте.

Ночью приходит кошка, чтобы я послушал, что у неё внутри. Она – раковина, и эхо её говорит: будь со мной, человек,

не отпускай.

Глава 5

Есть развлечение для полуночников: заварить травяной набор и смотреть на происходящее в кружке. Вот плывет чабрец, вот вальсирует ромашка, вот оседает мята на дне. Когда травинки замедляются, можно взболтать кружку и увидеть, как они вновь хаотично танцуют, напоминая хлопья снега в сувенире "Снежный шар". Всё как в жизни: то, вроде бы, ничего не происходит, то всё идет вверх дном, бесконечной чередой параллелей, совпадений и аллюзий.

Гнуть свою линию – это то, что видишь в ретроспекции. Пока гнёшь, как-то не до рефлексии, слишком быстро глина твердеет. Но прямо сейчас есть чай, луна над балконом и радость от наполнения любовью, о которой словами не скажешь.

Глава 6

Если спилить дерево, то можно узнать сколько ему лет. Про человека можно сказать тоже самое и без пилы: каждое кольцо на позвоночнике – это пластинка с песней уходящего лета, его краткий пересказ на долгую память.

Глава 7

Из чего я состою?

Ступни взял от Комаровки, потому что оттуда я убегал от гопников в весёлые 90-ые. Ноги от асфальтовых тренировочных полей стадиона "Динамо", потому что футболиста из меня, слава богу, не вышло.

Руки достались от свислочских ив: они так же стремятся обнять то ветер, то человека, то себя самого. Сердце от завода "Мотовело", потому что там начал складываться пазл под названием Сакартвело.

Плечи от улицы Пулихова, потому что туда я шёл с полным рюкзаком, а возвращался налегке. Глаза от мамы, волосы от папы, а губы мои – это два рельса, так что если я буду улыбаться чаще, то точно куда-нибудь приеду.

Глава 8

В Батуми сонное воскресенье. Старик Малхаз вышел из дома кормить котов: я вижу с балкона, как он медленно идёт со своей котомкой, а за ним стайкой льётся поток котов, который можно найти в любом дворе города.

Я и сам подкармливаю четвероногих, вот только он им что-то готовит дома, а я бегаю в магазин. В этом разница между профессионалами и любителями: вторые всегда зависят от кого-то другого.

Всё, что я знаю – его зовут Малхаз и на вид ему лет девяносто. Я хотел бы с ним познакомиться, но он меня отвергнет, я чувствую это без всякой обиды. Я любитель, а он – профессионал, сложно с этим спорить, да и незачем.

Глава 9

Недалеко от моего дома есть недострой – трёхэтажный остов то ли парковки, то ли торгового центра. Стены его облюбовали граффити, на верхней площадке проводят романтические фотосессии, а у входа лежит затвердевшая гора мусора, ставшая частью ландшафта.

У забора стоит заколоченная сторожка – сторожить уже, действительно, нечего. Ржавые штыри торчат из бетонных конструкций, тянутся к небу, как хилые берёзки из Рыжего леса – если вы своеобразный Есенин, то приходите обнять.

Солнце садится ровно над этим зданием, и я люблю смотреть с балкона, как оно тонет в этой индустриальной мешанине, будто прощаясь. Но встает оно ровно оттуда же, круг

замыкается, и всё повторяется вновь.

Пять утра – время, когда непонятно, то ли нужно ложиться спать, то ли лучше выпить кофе и отоспаться на том свете. Меня тянет к руинам потому что, они их грязные серые стены розовеют, когда на них смотришь, будто им неловко от того, что их покинули навсегда. И в этот момент они рассказывают свою историю без прикрас, как человек, которому нечего терять.

Глава 10

Долгое время думал, что я непотопляем в силу своих положительных качеств. В эмиграции мне кажется, что попросту сделан из такого материала, что не тону.

Может, из пенопласта, а может, из чего-то другого – это от настроения зависит.

Глава 11

Если в Минске я был совой и считал одинокие окна в общежитии напротив, то в Батуми я стал самой ночью, воплощением тёмных глаз царицы Тамары.

Вчера, около четырёх утра, я стоял на балконе и смотрел,

как посередине пустынной дороги шел пожилой грузин и читал вслух стихи: себе, улице, спящим жителям, и, как оказалось, мне. Я слушал и надеялся, что он не посмотрит вверх и его не вспугнёт моя бородатая фигура в трениках.

Но он шёл и шёл, и голос его быстро затих. А я ещё постоял, послушал, как где-то залаяла собака, будто бы с радостью. Потом нырнул в нагретую тобой постель, чтобы шепнуть пару слов, пока ты спишь.

Чтобы добиться реакции человека, всего-то два слова и нужны. Они как зерна, из которых вырастает дерево, и когда его листья опадают, то каждый становится стихотворением.

Все это происходит осенью, когда горы засыпают на зиму, а море меняет свой цвет. А твой цвет – это глаза, сонные глаза человека, которого разбудили посреди ночи, сказав на ухо какие-то глупости на выдуманном грузинском. Но ведь с нежностью сказав, с любовью.

Глава 12

Хочу чтобы приснился запах Минска. Пусть его голос рассказывает о листьях в парке Горького, где у воды стоит одинокий собачник и смотрит в октябрьское небо, такое же прекрасное, как в любой другой месяц.

Хотя не такой уж он и одинокий, этот человек. Отовсюду на него смотрят глаза: из Варшавы, Тбилиси, Вильнюса, Эйндховена, Праги, Берлина, Лиссабона, Нью-Йорка и Вальхаллы. Кто-то смотрит с нежностью, кто-то с непониманием, а кто-то с надеждой.

Минск всегда был вещью в себе, и в его застенчивость невозможно не влюбиться. Минск – это сон наяву, кинохроника будущего на 8 миллиметровой пленке. Навестите футбольное поле у сквера Минина: если цветопередача настроена правильно, увидите дух города. Сейчас он живет в разных уголках мира: на карте их становится все больше, как огней, что загораются один за другим при посадке.

Собака виляет хвостом, в её глазах уверенность в завтрашнем дне, у неё есть ошейник. Главное, чтобы хозяин не отчаялся. Если встретите его, то передавайте привет. Мы все о тебе помним.

Глава 13

Не могу выбросить старую ветровку: за шесть лет она протёрлась и выцвела, чего не скажешь о связанных с ней воспоминаниях. Не идеализирую прошлое, но иногда хочется завернуться в неё, как в плащ супергероя, и бежать сломя

голову туда, где голова не нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.